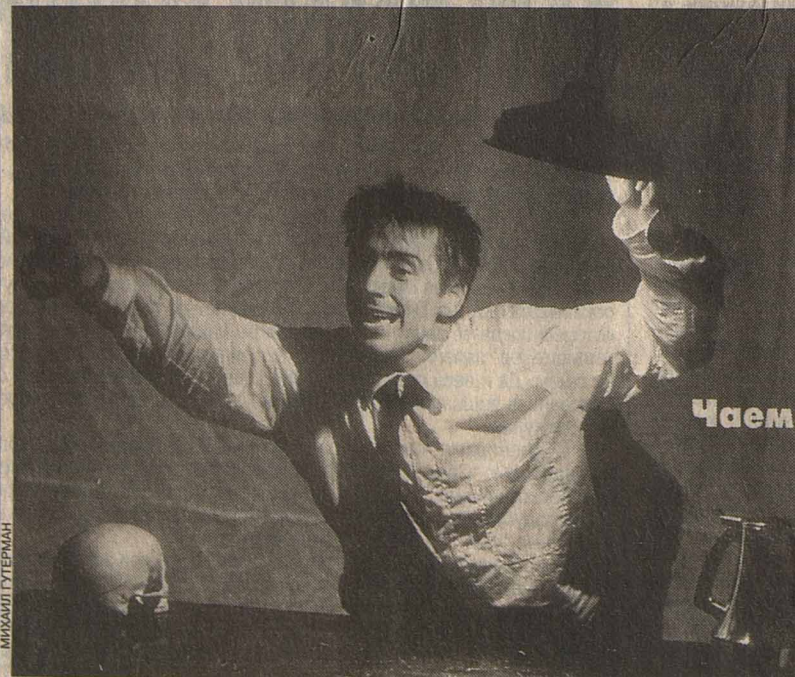

ДНЕВНИК ЧЕХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Как из ничего делать театр — можно поучиться у немцев. На Чеховском фестивале большая команда из Штутгарта доказала, что великое искусство никогда не будет находиться в унижительной зависимости от презренного металла.

“Коробка” — так называется передвижной мобильный театр. Как называется, так и выглядит: металлическая избушка на курьих ножках у МХАТа им. Горького, куда под завязку набивается примерно 55 человек. Здесь играли “Вагину”, “Одновременно”, “Сладкого Гамлета”...

ГАМЛЕТУ ДАЛИ НА ЧАЙ

Чаем оказалась Офелия

Много ли “Вагине” надо? Оказывается, всего десяток полосатых матрацев, положенных один на другой, — и спектакль готов. Причем авторов не смущает, что популярную во всем мире пьесу Ив Енеслер обычно играют 8—12 актрис. Немецкая версия обошлась тремя разновозрастными дамами.

“Сладкий Гамлет” пошел еще дальше “Вагины” и выставил вообще одного актера — **Даниэля Валя**. Он-то и рассказал нам все про принца Датского с помощью режиссера **Себастьяна Нюблинга**.

Ребята не мучились над масштабом трагедии и задействовали в моноспектакле одну электрическую лампу под скромненьким абажуром, один

радиоприемник ВЭФ, пачку сахарного песка и один пакетик чая. Причем последний выступал в роли... Офелии. Старик Фрейд квалифицировал бы это как негативное проявление сексуальной агрессии сильной половины человечества: женщина в руках мужчины — всего лишь жалкий пакетик для чая.

Гамлет, рассказывая в прозе, как было дело в Эльсиноре, и слегка пересыпая это рифмой (в переводе Пастернака), трепал бедный пакетик, шваркал его об стол. А когда дело дошло до самоубийства Офелии, то вообще порвал его и высыпал черный порошок на стол. С песенкой “гуд бай, май лав, гуд бай” весело рыл могилку, а сахарным песком из пачки посыпалось горе принца и заедалась его тоска. В сцене “Мышеловка”, когда Клавдий прокололся, сладкий порошок, высыпанный дорожкой на столе, нюхал, как наркоту.

Один час десять минут молодой артист Валь своей энергией и свободой обращения с текстом держал внимание публики, а легкостью и изяществом игры заслужил аплодисменты. Одно только осталось непонятным: отчего переводчик отказался переводить монолог Гамлета “Быть или не быть”. Никто не понял — это концепция или просто уверенность, что на родине Пастернака замечательный монолог все знают наизусть. Может, и знают, но как трактуют его в “Коробке” — не поняли.

Марина РАЙКИНА.